

A movie poster featuring a person standing in a dark, wet tunnel, looking up at a bright blue light source. The scene is atmospheric, with water droplets visible in the air and reflections on the floor. The title 'Туннель' is written in large white letters at the bottom, and the author's name 'Искандер Арысов' is at the top.

Искандер Арысов

Туннель

Искандер Арысов

Туннель

«Автор»

2026

Арысов И.

Туннель / И. Арысов — «Автор», 2026

Мир не гладок. Он состоит из пикселей — мельчайших квантов пространства-времени, между которыми зияет абсолютная пустота. Непрерывность — всего лишь иллюзия нашего медленного мозга. Туни знает это с детства, потому что он — «пиксельный мальчик». Когда его тело становится абсолютно пустым (от голода, слабости или болезни), он способен проходить сквозь стены, попадая в промежутки между частицами материи. Но цена этой свободы — нечеловеческое одиночество и постоянная грань смерти. Физики называют его ходячим доказательством квантовой космологии. Корпорации видят в нём инструмент. А сам Туни видит трагедию целого столетия, застрявшего в путах одного неверного слова — «наблюдение». Вместе с учёным Гелиосом он отправляется в сингулярность — точку разрыва реальности, где можно увидеть истинную структуру Вселенной. Но то, что он там обнаруживает, страшнее чёрных дыр: мир держится не на взгляде, а на простом касании. И чтобы это понять, нужно перестать быть человеком.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Туннель

Трагедия в пяти коллапсах

Посвящается тем, кто понял, что непрерывность — ложь

Пролог. О слове, которое разрушило всё

В 1927 году на Пятом Сольвеевском конгрессе Нильс Бор произнёс слово.

Он сказал: «Наблюдение».

И мир покачнулся.

Не потому, что Бор открыл что-то новое. А потому, что слово оказалось червём, прогрызшим столетие научной мысли. «Наблюдение» — мягкое, очеловеченное, с намёком на глаз и сознание. Бор мог бы сказать «взаимодействие». Мог бы сказать «коллапс». Мог бы сказать что угодно более честное. Но он сказал «наблюдение».

И физики на сто лет вперёд увязли в спорах о том, чувствуют ли частицы, что на них смотрят.

Смешно.

Страшно.

Потому что правильное слово — «взаимодействие» — не породило бы никаких сомнений. Частица сталкивается с другой частицей — и её волновая функция схлопывается. Никаких глаз. Никакого разума. Просто удар.

Но слово «наблюдение» принесло с собой всю метафизику. И люди решили, что реальность зависит от того, кто на неё смотрит.

Они были правы.

Но не в том смысле.

Коллапс первый. ПИКСЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Туни проснулся в 5:47.

Он всегда просыпался в 5:47 — за тринадцать минут до того, как гравитационный переключатель в полу его капсулы должен был перейти в состояние «выброс». Тринадцать минут — это время, за которое организм успевает осознать, что он всё ещё жив.

Капсула называлась «Сон-2.0» и принадлежала корпорации «Горизонт». Аренда — двенадцать кредитов в час. Туни платил за семь часов. С 22:00 до 5:00. Остальное время он должен был бодрствовать, потому что кредиты кончились.

Его настоящего имени никто не знал. Даже он сам. В документах значилось «Туни» — искажённое от «туннель». Кличку дали в интернате, когда заметили странную способность: мальчик мог проходить сквозь стены, но только когда был голоден.

Очень голоден.

Когда уровень энергии в организме падал ниже критической отметки, когда каждый нейрон экономил последние молекулы АТФ — тогда стены становились... не стенами.

Туни не знал, как это объяснить. Он просто делал шаг вперёд, и решётка кристаллической структуры бетона расступалась, как вода перед лодкой. Один шаг. Два. Три. И он уже с другой стороны.

Но стоило ему поесть — и стена становилась непреодолимой.

В интернате это называли «синдромом квантового туннелирования». Врачи пожимали плечами и прописывали успокоительное. Надзиратели били дубинками. Туни терпел.

В пятнадцать лет он сбежал.

Просто подождал, пока кормёжка будет отменена за драку, подошёл к внешней стене интерната — трёхметровый композит с титановым напылением — и шагнул.

На той стороне его ждал мир, который был устроен неправильно.

Туни поднялся с лежака капсулы. Стены помещения моргнули — сенсоры отреагировали на движение. «Горизонт» любил свои капсулы. Чисто, дешево, сердито.

На экране терминала горело: *«Баланс: - 3 кредита. Пожалуйста, пополните»*.

Туни усмехнулся. Минус три — это почти ноль. А ноль — это его территория.

Он не знал, почему способность работает именно так. Нищие мира сего — бродяги, должники, отчаявшиеся — иногда обнаруживали в себе странные свойства. Слепой слышал шаги за километр. Безрукий мог двигать предметы взглядом. Но только Туни мог проходить сквозь стены. И только когда был абсолютно пуст.

Он проверял это сотни раз.

Если в его теле оставалось хоть немного энергии — хотя бы на то, чтобы сжать кулак с силой в пять ньютонов — стена оставалась стеной. Но если он доводил себя до грани, когда сердце билось через раз, когда зрение теряло резкость, когда каждое движение стоило титанического усилия — тогда материя сдавалась.

Он нравился физикам. Они называли его «ходячим подтверждением квантовой космологии».

Он ненавидел физиков.

Потому что они не понимали главного.

В 8:15 Туни был у входа в лабораторию Ай-Кая.

Ай-Кай — Институт Квантовой Архитектуры — стоял в центре Мегополиса-17, стеклянный куб на стальных ногах, похожий на гигантский детектор частиц. Внутри работали люди, которые верили, что мир состоит из непрерывных линий. Что гладкость реальности — не иллюзия. Что между точкой А и точкой Б можно пройти, не делая шагов.

Туни знал, что это ложь.

Мир состоял из пикселей.

Самых маленьких. Квантов. Дискретных единиц пространства-времени. Планковская длина, $1,6 \times 10^{-35}$ метра — пиксель. Планковское время, $5,4 \times 10^{-44}$ секунды — кадр смены состояний.

Между пикселями — пустота. Абсолютная. Никакого «между» нет. Реальность — это сетка. И всё, что кажется движением, на самом деле — серия мгновенных скачков с одного узла на другой.

Электрон не «летит» от атома к атому. Он исчезает здесь и появляется там. Туда и обратно. Скачок. Пиксель. Пиксель. Пиксель.

Непрерывность — это иллюзия мозга, который слишком медлителен, чтобы заметить швы.

Туни понял это в восемь лет, когда впервые прошёл сквозь стену.

Стена не была непрерывной.

Стена была множеством точек, а между ними — ничто. Ему просто нужно было попасть в этот промежуток. В пустоту между пикселями. Туда, где нет материи. Где нет «стены».

Но чтобы попасть туда, нужно было самому стать пустотой.

Нужно было израсходовать всю энергию до последнего кванта.

Стать нулём.

Коллапс второй. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В холле Ай-Кая пахло озоном и высокомерием.

Туни подошёл к стойке регистрации. Девушка-админ посмотрела на его одежду — шотопанный комбинезон, подошвы, подклеенные термостеплером третьего поколения — и её лицо совершило плавный переход от нейтральности к брезгливости.

Такой плавности Туни не выносил больше всего.

— У вас запись? — спросила она, хотя ответ был очевиден.

— Нет, — сказал Туни. — Меня пригласил Гелиос.

— Кого пригласил?

— Гелиос. Старший научный сотрудник. Сектор квантовой космологии.

Девушка нажала кнопку интеркома. Туни видел, как движется её палец — не плавно, а рывками. Мир всегда двигался рывками, просто люди не замечали. Туни замечал. Это было его проклятием.

— Сектор квантовой космологии, — сказала девушка. — У вас там записан визит?

Пауза. Шипение динамика.

— Кто спрашивает? — голос был старческим, сухим.

— Гражданин Туни.

Длинная пауза. Туни представил, как старик Гелиос роется в своих записях, ищет фамилию «Туни» и не находит.

— Пусть войдёт, — сказал динамик.

Девушка удивилась. Это было заметно по микро-сокращению зрачков — Туни научился видеть такие вещи. Ещё одно проклятие: он замечал все дискретности, которые нормальные люди склеивали в иллюзию непрерывности.

— Двадцать третий этаж. Лаборатория семь.

Туни кивнул и пошёл к лифту.

Гелиос оказался высоким стариком с лицом, похожим на топографическую карту. Морщины не плавно переходили друг в друга — они обрывались и начинали заново, как линии разломов. Туни это понравилось. Человек, который не притворялся непрерывным.

— Садись, — Гелиос указал на стул. — Я слышал о тебе. Ты тот самый пиксельный мальчик?

— Я тот самый, — Туни сел. — Но я уже не мальчик.

— Тридцать два года. Да, не мальчик. Сколько стен ты прошёл?

— Сотни.

— И всегда в состоянии голода?

— Не только голода. Любого дефицита энергии. Если моё тело близко к нулю, я могу пройти сквозь что угодно.

Гелиос посмотрел на него долгим взглядом. Потом встал и подошёл к голографическому проектору.

— Ты знаешь, почему это работает?

— Думаю, да.

— Объясни.

Туни замялся. Он не любил объяснять — слова были слишком непрерывными, слишком плавными для того, что он чувствовал. Но Гелиос смотрел с искренним интересом, и Туни решился.

— Мир — это решётка. Планковские ячейки. Пространство не непрерывно, оно дискретно. Материя находится в узлах этой решётки. Но между узлами — пустота. Настоящая. Если я могу попасть в эту пустоту, то стена перестаёт быть препятствием. Мне не нужно её разрывать. Мне нужно просто оказаться там, где её нет.

— И как ты туда попадаешь?

— Я не знаю точно. Но я заметил: чем меньше у меня энергии, тем легче это сделать. Когда я полностью истощён, моя волновая функция... как бы это сказать... размывается. Делается неопределённой. Я перестаю быть в одном узле. Я становлюсь между.

— Суперпозиция, — тихо сказал Гелиос.

— Да. Суперпозиция. Но только когда я пуст. Когда у меня есть энергия — я коллапсирую в конкретное место.

Гелиос медленно кивнул.

— Ты описываешь фундаментальное свойство реальности, которое физики отрицают сто лет. Взаимодействие с окружающей средой вызывает коллапс волновой функции. Чем больше у тебя энергии — тем больше взаимодействий. Ты связан с миром. Ты «наблюдаем» в том дурацком смысле, который Бор вложил в это слово. Но когда энергии нет... — старик щёлкнул пальцами. — Ты свободен.

— Свободен, — повторил Туни. — Это слово мне нравится меньше.

— Почему?

— Потому что свобода стоит голода. Холода. Одиночества. Вы думаете, я хожу сквозь стены ради удовольствия? Я делаю это, потому что у меня нет выбора. Когда я сыт — я обычный человек. Меня бьют. Меня грабят. Меня запирают. Но когда я голоден... — Туни посмотрел на свои руки. Тонкие пальцы, синеватые вены. — Когда я голоден, я бог.

— И ты ненавидишь быть богом, — сказал Гелиос.

— Я ненавижу плату за это.

Повисла тишина. Гелиос смотрел на голограмму: разноцветные точки, прыгающие по сетке. Пиксели. Кванты. Дискретность.

— Туни, — сказал он, наконец. — Я хочу предложить тебе работу.

— Какую?

— Мы построили машину. Она называется «Наблюдатель». Она способна создать контролируемый коллапс волновой функции на макроскопическом уровне.

— Звучит как бомба.

— Это не бомба. Это ключ. Если мы научимся управлять коллапсом, мы сможем... — Гелиос запнулся. — Мы сможем переписывать реальность.

Туни усмехнулся.

— И вы хотите, чтобы я её протестировал?

— Я хочу, чтобы ты прошёл сквозь неё. Сквозь «Наблюдателя». Это единственный способ узнать, что внутри.

— А внутри?

Гелиос посмотрел ему прямо в глаза.

— Внутри — точка, где наше «наблюдение» становится взаимодействием. Где слово обретает плоть.

Коллапс третий. ЯЗЫК

В три часа ночи Туни сидел в своей капсуле и смотрел в потолок.

Он не спал. Он думал о слове.

«Наблюдение».

Проклятое слово, которое Гелиос произнёс с такой горечью. Туни знал историю. Все эти сто лет споров — есть ли сознание в квантовой механике? Может ли мысль изменить реальность? Влияет ли глаз на электрон?

Вся путаница — из-за одного слова.

Бор и Гейзенберг могли бы сказать «взаимодействие». Они знали, что имеется в виду именно это. Частица сталкивается с прибором. Фотон ударяет в экран. Электрон рассеивается на атоме. Всё. Никакого сознания.

Но они сказали «наблюдение».

И мир превратил это в религию.

Миллионы людей поверили, что Вселенная следит за ними. Что реальность зависит от того, смотрят на неё или нет. Что они — боги собственных миров.

Это было красиво.

Это было ложно.

Но самое страшное — это оказалось самосбывающимся пророчеством.

Потому что если миллиард человек верит, что сознание влияет на реальность — оно начинает влиять. Не потому, что так устроена физика. А потому, что вера меняет поведение. Люди строят приборы, которые якобы реагируют на взгляд. Создают техники, которые якобы используют силу внимания. В конце концов, сознание действительно стало влиять — не на кванты, а на людей.

И теперь, сто лет спустя, человечество застряло в тупике.

Оно поверило в магию вместо физики.

Оно забыло, что под словом «наблюдение» скрывалось простое взаимодействие.

Оно построило цивилизацию на лжи.

Туни закрыл глаза.

Он чувствовал, как энергия уходит из тела. Он не ел восемнадцать часов. Он не пил шесть. Он намеренно истощал себя — потому что завтра утром ему нужно было пройти сквозь «Наблюдателя».

Он должен был быть пустым.

Абсолютно пустым.

Коллапс четвёртый. СКВОЗЬ

«Наблюдатель» оказался не машиной.

Это было здание.

Цилиндр высотой в тридцать метров, стены из полированного графена. Внутри — вакуум. Абсолютный вакуум, который откачивали три года. Даже один атом в этом объёме считался катастрофой.

— Почему вакуум? — спросил Туни.

— Потому что любое взаимодействие разрушит суперпозицию, — ответил Гелиос. — Внутри «Наблюдателя» нет ничего. Ни воздуха, ни пыли, ни излучения. Мы экранировали всё. Даже нейтрино мы отлавливаем специальными ловушками.

— И что внутри?

— Сингулярность. Искусственная. Размером с яблоко.

Туни присвистнул.

— Чёрная дыра?

— Микроскопическая. Но достаточно массивная, чтобы искривлять пространство. Доступ к «Наблюдателю» — через шлюз. Ты войдёшь, пройдёшь сквозь сингулярность и выйдешь с другой стороны.

— Ты уверен, что с другой стороны есть выход?

— Нет, — честно сказал Гелиос. — Но если теория верна, сингулярность — это место, где пространство-время теряет непрерывность. Пиксели там видны невооружённым... э... — он запнулся. — Невооружённым взаимодействием. Если ты сможешь быть пустым в этот момент, ты не коллапсируешь. Ты пройдёшь.

— А если не смогу?

Гелиос промолчал.

Туни подошёл к шлюзу. Скафандр на нём был тонким, почти невесомым. Датчики показывали уровень энергии в теле: 0.3% от нормы.

Он был почти нулём.

— Ты готов? — спросил Гелиос.

Туни посмотрел на старика. На его морщины-разломы. На глаза, которые видели ложь непрерывности.

— Скажи мне одну вещь, — сказал Туни. — Как называется мир, в котором мы живём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.